

Наше творчество

Допеть до конца

В конце апреля в волгоградском госуниверситете состоялась презентация сборника стихов и прозы студентов волгоградских вузов «Перед ликом огня», посвященного 65-летию Сталинградской битвы.

В сборнике собраны произведения в прозе и стихах участников и победителей конкурса «Сталинградская сирень».

Как уже сообщалось, рассказ нашей студентки Юлии Несериной отмечен дипломом I степени. Публикуем его в «Политехнике».

Продолжение. Начало в № 16, 23 мая 2008 г.

Чтобы вспомнить, о чем говорилось в первой части, предлагаем небольшие отрывки.

«Взрывы становились все тише и тише, а потом и вовсе смолкли... Человек очнулся и медленно поднял веки. Он попытался вспомнить, как здесь оказался. До сознания долетали какие-то голоса, говорившие на незнакомом ему языке, крики ужаса, топот нескольких десятков ног и вдруг яркая вспышка и взрыв. Человек понял, что в него кинули гранату, что она взорвалась у самых его ног, что его волной отбросило в сторону, и он потерял сознание... Он хотел повернуться, но острая боль, пронзившая все его тело, заставила оставить попытку. Человек снова потерял сознание.

...Маленький деревянный домик на окраине деревни, почти у самого леса. Солнце заливает весь двор. Светловолосый мальчик сидит на корточках за сараем и сквозь щелку в заборе наблюдает за толстыми утками, гуляющими на соседском дворе. Мальчик кидает через забор прелые яблоки, и утки с громким гомоном разбегаются врассыпную.

– Олеша! – зовет мамка с крыльца. – Олеша! Баловник ты такой! Иди в дом!»

Олеша вновь очнулся и опять посмотрел на свою ноющую ногу. Картина не изменилась. Ноги, которая страшно болела чуть выше колена и одновременно в районе ступни, не было! Точнее она была – лежала метров в пяти от Олеша, в сапоге и штанине, залитая кровью, мертвая и... болела. Обрубок, который Олеша видел на месте своей ноги, тоже болел. Из него сочилась кровь, заливая желтую листву. Олеша как замороженный смотрел на кровоточащий обрубок. Он попытался стянуть с себя шинель и заткнуть рану. Не получилось, и обрубок заболел еще сильнее, а лежавшая в канаве нога заныла с новой силой.

Олеша вдруг вспомнил свадьбу Николки.

Брат, довольный и важный, как индюк, сидел с молодой женой во главе стола. Гости поздравляли молодых и пели песни. Олеша тоже пел, но выходило у него нескладно,

потому что голос не слушался: то сипел, тоненько подвывая, то начинал хрипеть и сгущался до баса. Вдруг Олеша заметил, как с противоположного края на него с любопытством смотрит Олеська. Она была «кровь с молоком», как говорил про нее Петро. Карие глаза обрамляли длинные ресницы, а тяжелая пшеничная коса лежала на плече. Олеша смутился и перестал петь. Олеська все смотрела и смотрела, не отводя глаз и не моргая...

Вдруг что-то хрустнуло. Олеша дернулся и воспоминания о свадьбе растаяли как туман. И тут Олеша осознал, что он в лесу. Один, раненный и без оружия. Панический страх пауком стал вползать внутрь и холодными лапами хвататься за его трепещущую душу. «А помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела!» – вдруг загорланил Олеша. Страх стал отступать. Олеша допел песню, отдышался и затаил «Любо, братцы, любо!». Боль в ноге не проходила, кровь все сочилась и сочилась из раны. Олеша вытер рукавом выступивший пот со лба и еще громче, чем прежде заорал: «Выйду на улицу, солнца нема, красные девки свели меня с ума!». Допеть он не смог – дыхания не хватило, губы пересохли, а язык разбух и не помещался во рту.

И Олеша вспомнил, как однажды, работая с отцом в поле, Олеська принесла ему крынку холодного молока.

Солнце тогда пекло нещадно, рубаха взмокла, а голова гудела. Он за раз выпил полкрынки. Живительная прохлада растеклась по всему телу. Олеша воспрял и телом, и духом. А Олеська опять молча смотрела на него своими хитрыми глазами...

Пить хотелось все сильнее и сильнее. Казалось, жажда потому и мучает Олешу, что жидкость выходит из него через рану в ноге. Заморосил дождь. Олеша раскрыл рот, но мелкие капельки не утоляли жажду. Сознание опять начало мутнеть. Перед глазами проплывали картины прощания с братьями, когда те уходили на фронт.

Спустя полгода пришла похоронка на Николку. Его жена, беременная вторым ребенком, узнав о его гибели, всю ночь голосила, и по всей деревне разносились ее душераздирающие вопли. К утру она вымоталась так, что не могла говорить.

Когда провожали Олешу, мамка тихо плакала, а батька молча хмурился. Олеська повисла у Олеша на плече и, заливаясь слезами, рыдала в самое ухо.

Олеша вдруг понял, что больше никогда в жизни он не увидит ни братьев, ни батьку с мамкой, ни Галинку, ни Олеську. Все, что осталось ему делать – это полулежать под деревом и ждать, когда вся его кровь вытечет через обрубок ноги. И Олеша увидел, как через некоторое время глаза его закроются, голова откинется назад и станет такой тяжелой, что Олеша не сможет уж больше ее поднять, дышать станет все труднее и труднее и, в конце концов, он умрет. А уж потом, после того, как он умрет, его родителям придет похоронка, в которой будет говориться, что он, Олеша, пропал без вести в бою под Курском. И мамка будет безутешно рыдать, а батька шумно засопит и поспешно выйдет во двор.

Олеша заплакал. Тихо, беззвучно, только плечи вздрагивали. Ему хотелось жить, хотелось, как раньше, работать с отцом в поле, помогать мамке топить печь, озорничать с братьями и сидеть на лавке с Олеськой под раскидистой яблоней. Олеша цеплялся бледными пальцами за жухлую траву, словно цеплялся за жизнь, но руки, слабея, не слушались, и чувствовалось, как жизнь утекает сквозь дрожащие пальцы. Набравшись сил, Олеша опять запел:

*Черный ворон, черный ворон,
Что ж ты вьешься надо мной?
Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой.*

Ужасная боль вновь пронзила все тело. Олеша поглубже вздохнул и сквозь зубы зашел:

*Что ж ты когти распускаешь
Над моею головой?
Ты добычу себе чаешь,
Черный ворон, я не твой.*

Язык распух и уже, казалось, не помещался во рту. Олеша облизнул шершавым языком сухие губы и продолжил:

*Завяжу смертельную рану
Подаренным мне платком,
А потом с тобой я стану
Говорить все об одном.*

Нога, валяющаяся в овраге, вновь заныла, заломила, но Олеша уже не останавливался:

*Полети в мою сторонку,
Скажи маменьке моей,
Ты скажи моей любезной,
Что за Родину я пал.*

Дождь усиливался, капли текли по лицу и падали на и без того мокрую листву.

*Отнеси платок кровавый
Милой Любушке моей,
Ты скажи, она свободна,
Я женился на другой.*

Сил уже не было никаких. Глаза закрывались. Голова его стала такой тяжелой, что держать ее прямо не удавалось.

*Взял невесту тиху-стройну
В чистом поле под кустом,
Обвенчальна была сваха
Сабля острая моя.*

Олеша вдруг понял, что он очень устал. Смертельно устал. Пульс все замедлялся и замедлялся, дыхание стало слабым и практически неприметным, а кровь из раны уже не текла - ее попросту не осталось в Олеше. Но в ушах его все еще продолжала звучать песня - ее пели грязные листья на земле, мокрые ветки на деревьях, капли дождя, ветер и даже нога в овраге. Пели последний куплет. Последний:

*Калена стрела венчала
Среди битвы роковой.
Чую смерть моя подходит,
Черный ворон, весь я твой...*